

УДК
ББК 63.3(2)6
Г97

Гучков, Александр Иванович.

Г97 Заговор против Николая II. Как мы избавились от царя / Александр Гучков. — Москва : Алгоритм, 2017. — 240 с.

ISBN 978-5-906979-52-0

Александр Иванович Гучков — один из самых крупных политических деятелей дореволюционной России, член Государственной Думы и Государственного совета, лидер влиятельной партии «октябристов», в 1917 году — военный и морской министр Временного правительства; с 1913 года он входил также в Военную масонскую ложу.

Именно Гучков являлся автором и организатором дворцового переворота, целью которого было, используя связи с рядом военачальников (М. В. Алексеевым, Н. В. Рузским и др.), заставить Николая II отречься от престола. В первые дни марта 1917 года план Гучкова был осуществлен, с царствованием Николая II и монархией в России было покончено.

В своих воспоминаниях А.И. Гучков делится подробностями этого, пожалуй, самого удачного заговора за всю русскую историю.

УДК 94(47+57)“1917”
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906979-52-0

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

Гучков Александр Иванович
ЗАГОВОР ПРОТИВ НИКОЛАЯ II
КАК МЫ ИЗБАВИЛИСЬ ОТ ЦАРЯ

Редактор *О.В. Селин*
Художник *И.М. Хотич*

ООО «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 21.08.2017.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906979-52-0

9 785906 979520 >

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6

ВОСПОМИНАНИЯ А.И. ГУЧКОВА

Отношения с Николаем II. Влияние Витте 11

Столыпин. Его противники 31

Кризис власти 48

Распутин. «Темные силы» 65

Заговор против Николая II 93

План переворота 108

Февральская революция 135

Временное правительство и Советы 147

Бессилие Керенского 162

«Наверху пустота, внизу бездна» 177

Заключение 181

Примечания 185

Я.А. Седова. Комментарии 201

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стенограммы бесед А.И. Гучкова с Н.А. Базили хранятся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета¹. Бумаги Базили² поступили в архив Гуверовского института в мае 1965 г. в качестве дара от его вдовы Л. де Базили³.

Готовясь к интервью с Гучковым, Базили составил перечень вопросов, которые он предполагал задать во время беседы⁴. Свидание состоялось в клубе за завтраком в присутствии Руманова. Здесь же последний записал фрагмент воспоминаний Гучкова, который позднее опубликовал⁵.

Запись первого интервью сделана 5 ноября 1932 г., последнего из имеющихся — 5 февраля 1933 года. Их беседы, как правило, начинались в 17—17.30 и длились 2—3,5 часа. Некоторые дополнительные сведения о стенографировании бесед мы получили из сохранившегося в фонде Базили рукописного отчета стенографистки (на одной стороне листа без даты), с подзаголовком «Memento». В нем перечисляются лица, с которыми она работала, указываются места встречи, даты (без года), количество затраченного времени, расценки. Среди прочих имеется запись за 30 января: «Запись у Гучкова с 5—7 1/2 = 2 1/2-70». Далее идет сообщение о расшифровке записи беседы с Гучковым на 30 страницах, сделанной в тот же день. Однако этой стенограммы в фонде Базили не обнаружено. Следовательно, имела место, по крайней мере, еще одна беседа с Гучковым, следы которой теряются⁶.

Не все, о чем говорилось во время бесед, попало в стенограмму. В одних случаях это было сделано сознательно, ряд разговоров участники беседы просили не стенографировать, о чем есть записи в тексте. 30 августа 1935 г. Базили благодарил Гучкова за то, что тот находит время «заканчивать исправление и дополнение наших записей»⁷. По свидетельству Элькина и Николаевского, разбиравшего архив Гучкова, стенограмма была просмотрена и подписана Гучковым, подтвердившим правильность воспроизведения ответов на поставленные вопросы.

Что касается авторизованного экземпляра, то просмотренные нами материалы позволяют думать, что он был передан Гучковым Базили, а тот уже после смерти Гучкова отдал его душеприказчикам последнего. Это, видимо, и есть тот экземпляр, о котором известно, что он пропал в Париже во время войны. Таким образом, экземпляр, оставшийся у Базили и переданный затем в Гуверовский институт, по всей вероятности, является единственным сохранившимся. Ссылки на эти стенограммы отсутствуют также и у биографов Гучкова⁸.

Кроме десяти стенографических записей бесед Гучкова с Базили, в этой же коллекции хранится стенограмма под заглавием «Беседа с А.И. Гучковым», датированная 10 февраля 1936 года. Следовательно, запись произведена за три дня до смерти. Последний год жизни Гучков был тяжело болен. В 1935 г. у него обнаружили рак кишечника. 21 октября его поместили в клинику Мирабо в Париже, где в декабре он перенес тяжелую операцию, но быстро оправился. Гучков не подозревал, от какого недуга страдает, и твердо верил в выздоровление. У его постели постоянно находились жена и дочь, В. Трэйл⁹.

О своей смертельной болезни он узнал за неделю до кончины и начал готовиться, «методически приводя в порядок свои дела и отдавая предсмертные распоряжения»¹⁰. Умиравший до последнего дня принимал посетителей, около него сидела стенографистка. «Беседа» представляет собой стенографическую запись на 3 1/2 листах (машинопись). Каждый лист подписан В.Б. Ельяшевичем, его же рукой сделана правка «Беседы». Это позволяет нам считать его последним интервьюером Гучкова¹¹.

В предсмертных воспоминаниях Гучков коснулся эпизода, о котором ранее не упоминал. Речь идет о смерти генерала Крымова, об обстоятельствах которой ему сообщил подьесаул Кульгавов, адъютант генерала. Надо отметить, что к этому сюжету он обращался и ранее. В нашем распоряжении имеется запись беседы Николаевского с Гучковым 2 апреля 1929 г., содержащая некоторые детали выступления Корнилова. В частности, рассказ адъютанта излагается так: «После панихиды подошел адъютант Крымова, который сказал, что Кр[ымов] перед смертью просил его рассказать мне все подробности дела. Дело было, оказывается, так. Крымов был на фронте у Деникина; последний как-то его позвал и говорит, что Крымова скоро должен будет вызвать Корнилов и поручить ему поход на Птб; Ден[икин] советовал Крымову за это дело не братья, т. к. оно очень ненадежно. Тем не менее, Крымов, когда получил предложение, взялся (в остальном, ничего нового)»¹². В записи же 1936 г. сказано: «Адъютант Крымова передал А. И., что когда он раненный лежал на полу, он сказал: «Если бы мне попался в руки Корнилов, я бы его собственноручно пристрелил». В тексте это место взято в квадратные скобки, а на полях сделана запись: «Не для опубликования»¹³. Это дополнение позволяет по-новому

взглянуть на содержание не дошедшего до нас последнего письма Крымова Корнилову, о котором известно из воспоминаний Лукомского.

* * *

Рассказывая об истории возникновения стенограмм, хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний о Гучкове как мемуаристе. После окончания гражданской войны, оказавшись в эмиграции, он продолжал довольно активно заниматься политической деятельностью¹⁴. Написание же мемуаров, по-видимому, не входило в его первоочередные планы. Первые из имеющихся у нас стенограмм воспоминаний Гучкова относятся к марту-апрелю 1929 года. Записи его рассказов были организованы Николаевским и Элькиным в Берлине. Затем уже упоминавшиеся беседы в 1932—1933 гг. с Базили и в 1936 г. с Ельяшевичем. По всей вероятности, Гучков не очень был расположен записывать воспоминания, что и подтверждают хорошо знавшие его люди. Так, Николаевский писал, что Гучков «очень любит говорить о прошлом, но не говорить для печати. Он мечтает о том, чтобы написать воспоминания, подвести итоги, — и колеблется, боится взять непосильную ношу»¹⁵. У Николаевского было «много разговоров с Гучковым, он хотел, чтобы я написал по его рассказам его воспоминания. На основе рассказов я составил очень подробный план, который испугал Гучкова, так как роль Гучкова, как я узнал позднее от его жены, в моем плане вырисовывалась как чересчур революционная. В нем веками намечен весь жизненный путь Гучкова»¹⁶.

Судя по этим свидетельствам, он отдавал предпочтение устным рассказам, причем знавшие его люди отмечали определенные отличия в его рассказах. Николаевский

писал: «А. И. разным людям свои взгляды представлял по-разному»¹⁷. Милюков об оставшихся после Гучкова стенографических записях, продиктованных в разное время разным людям, подчеркивал, что об одних и тех же событиях он говорил с неодинаковой степенью подробности¹⁸. Это надо учитывать при анализе воспоминаний. Следует отметить и очень цепкую память Гучкова на отдаленные события. Ряд фактов он воспроизводит с поразительной точностью и мельчайшими подробностями.

Соломон Ляндрес — сотрудник Стэнфордского университета (США).

Анатолий Васильевич Смолин — доктор исторических наук, профессор СПбГУ.

ВОСПОМИНАНИЯ А.И. ГУЧКОВА

ОТНОШЕНИЯ С НИКОЛАЕМ II. ВЛИЯНИЕ ВИТТЕ

(беседа с Н.А. Базили 11 ноября 1932 г.)

Базили: Как начались Ваши отношения с Николаем II?

Гучков: Моя первая встреча с ним — июнь 1905 года. Затем в Москве продолжают эти съезды земские и городские, которые становятся все более и более бурными. Затем выработана в Петергофе на совещании под председательством Николая II так называемая Булыгинская конституция, которая предоставляет законодательным учреждениям роль совещательную на земских съездах. Это не вызывает никакого удовлетворения и успокоения, и революционная волна идет все выше и выше. Я пытаюсь убедить, что все уже достигнуто, но голоса благоразумия не принимаются во внимание, требования растут. Это было в августе — Булыгинская конституция. Декабрьское восстание в Москве — это 1905 год... Мы хронологию потом тоже установим. Затем смена министерства — Витте призван. Под влиянием роста революционного движения по настоянию кн. А.Д. Оболенского¹⁹, который играл большую роль, Витте убеждает государя сделать какую-то общественную манифестацию, которая свидетельствовала бы о том, что верховная власть решила идти на широкие реформы. Появляется манифест 17 окт[ября], и затем начинается выполнение этого манифеста; составлен проект избирательного закона и проект положения Государственной думы и Государственного совета. В самом конце

ноября — начале декабря 1905 г. в Петергофе созывается совещание для обсуждения того проекта избирательного закона, который выработан был министерством. Совещание это под председательством государя состоит из Совета министров, некоторых членов Государственного совета, специально приглашенных, и туда же приглашены четыре со стороны независимых общественных деятелей: Шипов — председатель губ. управы московской, бар. Корф — от Петербургского земства, граф Владимир Алексеевич Бобринский и я.

Базили: Было в Петергофском дворце?

Гучков: Да. В Большом дворце. Это была моя вторая встреча с государем. Она не имела никакого значения. Меня просто представили ему. Он несколько слов ласковых сказал. Мы считались как бы экспертами, приглашенными дать свои показания.

Вот эти четыре лица, которые там были, они по одному вопросу, основному — должно ли быть положено в основание закона представительство профессиональное или национальное — разделились на две группы. Бар. Корф и Бобринский стояли за представительство профессий, исходя из того, что эти выборы дают возможность избирателям более сознательно выбрать своих представителей: они выбирают людей своей группы. Шипов и я, мы стояли за общее представительство. Технически, может, те были правы, но мы считали, что дело касалось известного умиротворения, сословное же представительство могло бы вызвать большие брожения и протест оппозиции. Потом, в этом вопросе большую роль играет не дозирование представительства групп, а какое количество голосов вы тем и другим группам дадите.

Базили: Это решение не удовлетворило бы левых?

Гучков: Мы с Шиповым, не предрешая вопроса о всеобщем избирательном праве, допускали известные преимущества, которые были бы даны тем и другим избирателям. Мы предполагали, что известный ценз должен быть. В требованиях не доходили до всеобщего избирательного права, а допускали известные цензовые ограничения.

Одну любопытную черту надо отметить. Тогда мы были приглашены в Петербург на три совещания. Остановились мы все четверо в одной и той же гостинице «Франция» на Морской, и Шипов и я; мы получили записку от графа Витте, приглашающую нас к нему зайти вечером накануне совещания. Он тогда жил в Зимнем дворце, в одном из флигелей. Очевидно, он знал заранее, как у нас распределены течения. Шипова вместе со мной позвал и спросил, какие у нас основные взгляды? Мы ему изложили. Он сказал, что разделяет наши взгляды, не обещал их поддерживать, но я помню, в виде аргументации он дал такой совет: «В числе аргументов, которые вы будете приводить, вы не указывайте на то, что манифест 17 октября уже предрешает введение конституционного образа правления в России и что этот манифест уже связывает верховную власть, как что-то уже сделанное». Значит, он уже в то время заметил, что у государя было некоторое колебание.

Когда мы возвращались от Витте поздно вечером домой, по дороге мы встретили бар. Корфа и графа Бобринского, которые тоже получили приглашение к Витте — позднее, чем мы. Мы условились, что поделимся нашими впечатлениями. Они рассказали нам, что Витте то же самое с ними говорил, что и с нами. Он не возражал против их схемы и тоже дал ряд советов, как они должны себя

вести. Отсюда я заключаю, что сам Витте не выработал в то время для самого себя определенного взгляда на этот важнейший вопрос.

На другой день было совещание, и меня тронула одна черта, которая очень характеризует Бобринского, человека искреннего. Мы говорили в таком порядке: сперва Шипову было предоставлено слово, потом я говорил, горячо, убежденно. Поэтому когда после меня Бобринскому было предоставлено слово, то он взволнованно сказал, что пришел на это совещание вот с какими мыслями, но моя речь, мои доводы его совершенно поколебали и он думает, что действительно следует стать на эту позицию. Я указывал на то, что неравенство, классовые деления вызывают всеобщее осуждение, и если мы эти остатки прошлого закрепим, предоставим представительство этим классам, то не будет удовлетворения, которого жаждет нация; что акт великой справедливости должен совершиться, и только тем путем, что предоставляется всем без различия языков и сословий.

Базили: Этот проект и был введен в силу, который вышел из этого Совещания?

Гучков: Он и был введен. При самом обсуждении мы [до конца] не присутствовали. После нас было предоставлено слово кое-кому из остальных (или: основных — не расслышала. — *Прим. стеногр.*) участников. Я помню только речь Дурново Петра Николаевича. Он тогда был членом Государственного совета. Он возражал против самой идеи народного представительства. Очень умно, резко говорил, предостерегал против этого строя, находя, что он — как ни строить сам избирательный закон — будет большой фальсификацией народного и общественного настроения: предполагается, что народ, а на самом деле

это разные самозванные вожаки — учительницы, фельдшера. Об этом революционном третьем элементе.

Базили: Возьмет народ в опеку...

Гучков: И угрожал всякими бедами, если власть станет на этот путь. Что будет с народом в руках революционных элементов? Тут его старый опыт бывшего министра внутренних дел сказался, потому что донесения Департамента полиции свидетельствовали о сильном революционизировании этих кругов. Но в прочих выступлениях я чувствовал большое колебание. Когда после одной или двух речей членов Государственного совета государь объявил перерыв и позвал нас завтракать, то подошел ко мне граф Алексей Игнатъев, который был киевским генерал-губернатором, член Государственного совета. Он говорил, что тоже очень колебался, но моя речь его убедила. Ему показалось, что можно на этих началах построить наши новые представительные учреждения по типу старых земских соборов, и так как вся семья Игнатьевых со славянофильскими традициями, ему представилось, что это не будет такой разрыв с прошлым. Насколько в кругах, которые должны были решать, не было плана; они были в поисках.

Затем перерыв был, нас благодарили и отпустили, потому что с нас как с экспертов сняли допрос. Государь ничего не сказал во время завтрака, он подошел и все. Это было в декабре. Кто-то меня спросил: «Что, вы еще остаетесь в Петербурге?» Я говорю: «Нет, я тороплюсь в Москву, потому что там назначено вооруженное восстание». Насколько мы знали, гласные думы по городскому управлению, что там подготавливается вооруженное восстание! А брат Николай и я, мы по долгу гласных и общественных деятелей считали необходимым быть там.

Базили: Кто вел это вооруженное восстание?

Гучков: Оно было хаотическое. Я не думаю, чтобы там было правильное руководство. У меня не было впечатления, что был какой-то революционный комитет, объединяющий действия всех. Были отдельные вспышки. Был московский гарнизон и потом туда был приведен Семеновский полк (хотели какие-нибудь чужие войска ввести). Семеновцы выполнили все то, что им было приказано, но, в общем, без очень больших потерь это движение было подавлено.

Базили: В Петрограде Хрусталеv²⁰ играл очень большую роль, а там не было такого Хрусталева? Из Петрограда да руководили?

Гучков: Возможно. Но внутри Москвы не чувствовалось плана.

Базили: Но это была социал-демократическая затея?

Гучков: Да, да, в это время рабочее население было распропагандировано, какое-то влияние было.

Следующим эпизодом из этой области был съезд, тоже очень бурный, и вот я получаю из Петербурга приглашение от графа Витте приехать к нему. Одновременно туда приглашены: Шипов, М.А. Стахович, князь Евгений Трубецкой, который был в то время профессором в Киеве, талантливый, но менее значительный, чем брат. Тот был чистый философ, а этот — философ в области юриспруденции. Витте созывает нас и говорит, что по поручению государя он нас пригласил для того, чтобы нам войти в состав министерства. В Зимнем дворце ряд вечерних заседаний. Мы, сговорившись между собой, даем согласие, но ставим условие. Условие заключается в том, что одновременно с призывом нас к власти должна быть если не обнародована, то выработана для нас самих общая про-

грамма тех мер, которые это правительство должно было бы провести.

Мы говорим: имена наши что-то такое дают, потому что всем известно наше прошлое, это имеет что-то за себя, но это слабо; если верховная власть и граф Витте хотят привлечением новых людей вызвать успокоение общественного мнения, которое, так сказать, авансом готово поверить новому правительству, то имен недостаточно, а надо программу. Относительно программы у нас в общих чертах как будто складывалось. Больших разногласий в конце концов не было бы, потому что у высшей власти в лице Витте была как бы безграничная готовность идти на самые большие уступки. Распалась вся эта комбинация на вопросе личном. Какие портфели предполагалось распределить между этими лицами? Граф Гейден — Государственный контроль, значит пост мало влиятельный; Шипов — земледелие, тоже техническое министерство...

Базили: Об аграрной реформе тогда не говорили еще?

Гучков: Нет, не говорили. Мне — чисто техническое Министерство торговли и промышленности, в силу моего происхождения из этой среды; Стаховича имели в виду на должность обер-прокурора Синода; кн. Трубецкого — на пост министра народного просвещения.

Базили: Но предполагалось создать Совет министров, так что идея была?

Гучков: Основное — борьба с революционными течениями, отношение к городам и земствам, деятельность полиции — это все сводилось к центральной фигуре министра внутренних дел. Кто же министр внутренних дел? Витте очень неохотно разъяснил нам, что его кандидат — Петр Дурново, который в то время был товарищем министра внутренних дел. У Дурново была репутация опреде-